

Источники о хозяйстве и положении крестьян

Крестьянство и крестьянское хозяйство, как хорошо известно, в течение всей эпохи капитализма играли ведущую роль в аграрном развитии страны. Достаточно напомнить, что к концу капиталистической эпохи на долю крестьянства приходилось более 90% общего объема сельскохозяйственного производства. Этим обусловлен интерес советских историков к изучению различных аспектов истории крестьянства, и прежде всего его социально-экономического развития, поскольку оно оказывало определяющее воздействие на другие стороны жизни деревни.

Как и при изучении аграрной эволюции в целом, исследовательские успехи здесь во многом зависят от состояния и разработанности источниковой основы, совершенства методов обработки и анализа конкретно-исторических данных. В последнее время в этом отношении советскими историками достигнуты заметные успехи. Однако широкое использование массовых исторических источников и данных о крестьянстве только еще разворачивается. Поэтому характеристика основных видов этих источников, выявление возможностей использования их для изучения актуальных проблем истории крестьянства и их обработка наиболее эффективных методов извлечения из них необходимой информации и ее обработки и анализа являются важным условием успешного изучения истории крестьянства.

К числу массовых источников по истории крестьянства относятся такие источники, которые содержат массовые данные о тех или иных сторонах или чертах хозяйства и положения крестьян, экономических и социальных отношениях в деревне, т.е. имеют в своей основе однотипные массовые объекты наблюдения или, точнее говоря, отражения. Содержательная ценность массовых источников тем больше, чем большее число объектов они охватывают и чем шире (с точки зрения отражения их черт и свойств) их характеризуют. Другим показателем их ценности для исследователя является однотипность содержащейся в них информации, т.е. сходство набора учитываемых признаков, а также адекватность, сводимость методов и способов выявления данных и их измерения.

Вся совокупность массовых источников по социально-экономической истории крестьянства может быть разделена на три категории материалов: делопроизводственная документация различных, прежде всего местных, органов, связанных с функционированием «крестьянского мира», его управлением и контролем и т.д.; текущая статистика о крестьянском производстве, хозяйстве и положении крестьян; переписи и обследования крестьянского хозяйства.

Делопроизводственная документация во всей ее совокупности является наиболее массовым источником. Такие типы местной документации, как семейные и владенные списки, книги выдачи паспортов, уплаты повинностей и платежей, различных договоров и сделок крестьян (в частности, актов сдачи и аренды земли), выдачи и возврата ссуд кредитными и другими учреждениями, мирские приговоры и решения и т.п. составляют огромный комплекс материалов, содержащих разнообразную информацию о крестьянстве всех районов страны в течение всей эпохи капитализма.

Важной особенностью этой документации является то, что в ее создании в большой мере принимало участие и само крестьянство. Поэтому к этому разделу или классу документов можно отнести и такой их тип, как жалобы и прошения крестьян, их наказания и обращения к представителям властей и различных учреждений.

Однако, несмотря на свою обширность и разнообразие, указанные материалы в целом в наименьшей мере использованы историками при изучении истории крестьянства. Главная тому причина состоит в том, что подавляющая часть этих материалов утрачена. Сохранившаяся же часть, отложившаяся в различных фондах местных архивов, к сожалению, еще не выявлена и не вовлечена в научный оборот и нередко относится архивистами к категории второсортной документации. Таким образом, историкам еще предстоит выявить, источниковедчески изучить и ввести в широкий научный оборот разнообразную первичную делопроизводственную документацию о крестьянстве.

Делопроизводственная документация нередко служила основой для различных сводок данных о крестьянском хозяйстве и положении крестьян, составлявшихся различными государственными учреждениями и комиссиями, а также использовалась для нужд текущей статистики.

Текущая статистика о крестьянском производстве, хозяйстве и положении крестьян представлена двумя типами материалов, Во-первых, она являлась составной частью общей текущей государственной статистики народонаселения, движения землевладения, сельскохозяйственного производства и т.д. Наиболее фундаментальными и известными изданиями текущей государственной статистики, содержащими сведения о крестьянстве, являются охарактеризованные в предыдущих главах «Урожай ... года», «18... год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев», «Материалы по статистике движения земледелия в России» и др.

Во-вторых, она представлена специальными материалами, собираемыми и обрабатываемыми различными местными органами, и прежде всего земствами. Необходимые данные поступали в основном от добровольных корреспондентов, но нередко использовались и материалы местного делопроизводства. Эти данные подвергались сводке и с большей или меньшей регулярностью публиковались в виде «Ежегодников», «Бюллетеней», «Справочников» и др. изданий.

Особенностью большинства материалов делопроизводства и текущей статистики является то, что они характеризуют отдельные стороны или даже черты крестьянского хозяйства и положения крестьян. Различные виды этих источников содержат чаще всего сравнительно небольшое число одноаспектных показателей. Это хорошо видно на примере рассмотренных выше источников о землевладении и землепользовании и сельскохозяйственном производстве. Поэтому для всестороннего анализа необходимо привлечение разных источников, что осложняет решение вопросов, связанных с полнотой синхронных данных, единством принципов и методов их сбора и обработки, достоверностью и точностью и т.д.

Важным достоинством данных делопроизводства и текущей статистики о крестьянстве является то, что при хорошей сохранности они позволяют строить временные ряды показателей, т.е. изучать динамику явлений и процессов.

Переписи и обследования крестьянского хозяйства сравнительно с делопроизводственной документацией и текущей статистикой имеют две существенные отличительные черты. Во-первых, содержащиеся в них сведения носят комплексный характер, т.е. включают более или менее значительное число показателей о разных сторонах и чертах крестьянского хозяйства и положении крестьян. Во-вторых, зафиксированные в них данные более полны и синхронны, достоверны и точны в силу большого совершенства принципов и методов сбора и проверки этих данных. Это значительно повышает их информационную ценность.

На данном этапе развития науки, который характеризуется тенденцией к системности, целостности, особенно важное значение имеет разнообразие данных этих источников. С одной стороны, оно само по себе создает основу для системного анализа хозяйства и положения крестьян и с другой — открывает пути через раскрытие взаимосвязей учтенных признаков к выявлению неизвестных черт и

свойств этого хозяйства, т.е. к значительному повышению информативной отдачи источников, а следовательно, и к углублению исследований.

Разумеется, указанные черты присущи не только переписям и обследованиям крестьянского хозяйства. В них они наиболее ярко и полно выражены. Определенной комплексностью данных обладают и некоторые виды делопроизводственной документации. Например, в совокупность делопроизводственной документации, возникавшей в процессе выдачи земельными банками ссуд крестьянам, входили подворные описания хозяйственной состоятельности крестьян, обращавшихся за ссудами. Они во многом однотипны с земскими подворными переписями крестьян.

Из отмеченного очевидно, что в настоящей главе, посвященной специальной характеристике массовых источников по социально-экономической истории крестьянства, в центре внимания должны быть именно источники, содержащие массовые комплексные данные о крестьянском хозяйстве. Помимо их наибольшей информационной ценности немаловажно и то, что эти источники достаточно хорошо известны и доступны историкам. Из совокупности этих источников для дальнейшего разбора и анализа отобраны наиболее важные из них, а именно: *земско-статистические подворные переписи крестьянского хозяйства, подворные описания крестьянских хозяйств, обращавшихся за ссудами в Крестьянский поземельный банк, и материалы о крестьянстве сельскохозяйственной переписи 1916 и земельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г.*

Обзор массовых источников о крестьянстве и итоги их изучения

Наиболее обширные и разносторонние сведения о крестьянстве эпохи капитализма содержатся в земско-статистических подворных описаниях крестьянских хозяйств. Характеризуя значение данных земской статистики, В.И. Ленин указывал, что «нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую деятельность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики»¹.

История земских подворно-статистических описаний крестьянского хозяйства, их методологические и методические принципы, техника сбора данных, их группировки и сводки достаточно хорошо изучены и освещены в литературе². Поэтому в данной главе кратко рассматриваются лишь самые основные из этих проблем.

Надежность (т.е. достоверность и точность) всяких статистических данных во многом зависит от методики и техники их сбора. В этом отношении материалы земской статистики, и прежде всего подворные обследования крестьян, относятся к числу наиболее надежных источников о крестьянстве эпохи капитализма. В.И. Ленин отмечал, что в земской статистике «полнота подворных сведений и техника их собирания достигли высокой степени совершенства»³. В отличие от официальной статистики, основанной чаще всего на корреспондентском методе сбора данных (или на извлечении их из местного делопроизводства), земства применяли экспедиционный метод получения необходимых статистических сведений. Для этого члены земских статистических бюро выезжали на места. Для проведе-

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 632.

² Фортунатов А.Ф. Итоги нескольких совещаний по вопросам земской статистики. СПб., 1900; Кауфман А.А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918; Крылова В.О. О применении выборочного метода в земской статистике // Вестник статистики. 1955. № 6; Сваицкий Н.А. Земские подворные переписи. М., 1961; Антонова С.И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма. М., 1968. В указанной работе Н.А. Сваицкого дана развернутая библиография о земской статистике.

³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 96.

ния подворной переписи обычно созывался сход дворохозяев, на котором происходил их опрос. Такой метод давал более точные сведения, чем обход хозяйств, ибо обеспечивались взаимоконтроль и большая четкость ответов. Статистические данные о крестьянстве первоначально фиксировались в виде пообщинных списков, а затем широко стали применяться подворные карточки, которые были значительно более удобны для последующей обработки.

Содержательная ценность подворных крестьянских обследований определяется их программой, а также полнотой включения собранных данных в публикации.

Как известно, программы земских подворных описаний, во-первых, не были едиными и, во-вторых, не оставались неизменными. Представление об основном содержании программ земских подворных описаний можно получить на основе поуездной сводки данных, составленной по соответствующим публикациям Свавицкими¹.

В первый период земской статистики эти программы по основным разделам включали более 100 показателей. Из них свыше половины приходилось на данные о населении, землевладении и скотоводстве. В последующие периоды увеличилось общее число показателей (более 250) и возросла доля среди них сведений о землепользовании (сдача и аренда земли), земледелии и промыслах, т.е. о состоянии крестьянского хозяйства. Недостатком переписей является ограниченный в течение всей эпохи капитализма учет данных о купле-продаже рабочей силы.

Единые буржуазно-капиталистические тенденции развития деревни обусловили то, что при всех различиях в программах подворных обследований в отдельных губерниях основной состав учитываемых сведений повсеместно был единым. Региональные особенности проявлялись в более детальном раскрытии соответствующих сторон крестьянского хозяйства. Так, в нечерноземных губерниях шире учитывались промысловые, а в южных — земледельческие занятия крестьян.

Сходство программ создает основу для обработки и анализа сведений подворных описаний как единого комплекса массовых данных.

Первичный материал земских подворных описаний составлял даже в пределах отдельных уездов огромные массивы данных. Они, естественно, требовали обработки и сводки. Это выдвинуло перед земскими статистиками сложную проблему выработки принципов группировки материала.

Эта задача была в центре методологических исканий земских статистиков². Им немало удалось сделать в данном направлении как под воздействием самого хода социально-экономического развития деревни, так и под влиянием (с конца 1890-х годов) марксизма. В.И. Ленин писал, что земские статистики «едва ли не раньше других статистиков заметили недостаточность одной группировки хозяйств по количеству земли и ввели другие примеры группировки: по посеву, по количеству рабочего скота, по употреблению наемного труда и т.п.»³, т.е. применили группировки по хозяйственной состоятельности крестьянских дворов.

Однако в целом теоретико-методологическая ограниченность, господство народнических, мелкобуржуазных представлений о крестьянстве как о некоем еди-

¹ Свавицкие Н. и З. Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: Поуездные итоги. М., 1923. Наиболее обстоятельный обзор программ земских подворных описаний сделан Н.А. Свавицким в его работе «Земские подворные переписи».

² Принципы и методы сводок и группировок земскими статистиками первичных материалов подворных переписей детально анализировались В.И. Лениным (прежде всего в работе «Развитие капитализма в России») и специально исследовались в работах: Хрящева А.Х. К вопросу о принципах группировки массовых статистических материалов в целях изучения классов в крестьянстве. М., 1925; Фавстов К.А. О методе группировок в земской статистике // Учен. зап. Куйбышевского планового ин-та. 1956. Вып. IV; Свавицкий Н.А. *земские подворные переписи.

³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 181.

ном социальном слое не позволили земским статистикам найти правильное решение проблем группировки и сводки первичного материала подворных переписей.

Даже в тех случаях, когда применялась группировка по хозяйственной состоятельности дворов, которая является единственно научной¹, земские статистики сбивались на формальный путь, бессодержательную статистическую детализацию данных. В итоге, как подчеркивал В.И. Ленин, «за деревьями исчезает лес, за горами цифр исчезают экономические типы явлений, типы, которые могут выступать только при разносторонне и рационально составляемых группировках и комбинационных таблицах»². Это требует от исследователей, использующих материалы земских хозяйственных группировок, соответствующей переработки данных. Методы анализа таких данных детально разработаны В.И. Лениным³. На них базируются советские историки, обращаясь к земским подворным переписям, содержащим группировки по хозяйственной состоятельности дворов⁴.

Но основной изъян земских сводок и группировок материалов подворных переписей выразился не в просчетах, связанных с группировками дворов по их хозяйственной состоятельности. К сожалению, такие группировки были применены лишь при сводке очень небольшой части материалов подворных обследований. При сводке же подавляющей части первичных данных были использованы пообщинные и поселенные группировки. Суть их состояла в том, что исходные данные суммировались в целом по общинами, т.е. селениям, без выделения каких-либо слоев в среде крестьянства. Наряду с пообщинными выводились итоги по волостям (т. е. группам селений) и уездам. В таком виде данные подворных переписей и вошли в соответствующие публикации⁵.

Понятно, что в основе пообщинных сводок лежало ошибочное представление о единстве крестьянства как социальной категории. Поскольку же определяющей чертой в социально-экономическом развитии деревни в эпоху капитализма было именно разложение крестьянства на качественно отличные социальные слои и классы, сельскую буржуазию и пролетариат, постольку земские статистики в очень большой мере обесценили уникальный первичный материал подворных переписей. Это и послужило причиной того, что подавляющая часть данных этих переписей, представленных в публикациях, до сих пор фактически остается вне научного оборота, почти не используется исследователями при изучении социально-экономического развития деревни и особенно разложения крестьянства⁶. Отсюда парадокс, состоящий в том, что, с одной стороны, имеется громадный материал, сотни томов хорошо известных и всем доступных сведений о крестьянстве, а с другой — раздаются жалобы исследователей на недостаток данных для изу-

¹ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 17. С. 81-82 и др.

² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 77.

³ Бутанов В.И. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. X.

⁴ Из работ последнего времени наиболее обстоятельный анализ таких группировок дан в работе Д.И. Будаева (Будаев Д.И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX вв. Смоленск, 1972).

⁵ Общий объем публикаций сводок материалов подворных переписей — несколько сот томов (как правило, один том охватывает уезд). Перечень основных из этих публикаций дан в приложении к указанной работе Н. и З. Свамицких, а общий указатель к земским материалам составлен В.Н. Григорьевым (Григорьев В.Н. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 год. М., 1926. Вып. 1—2).

⁶ Наиболее широко в советской историографии пообщинные сводки данных подворных переписей были использованы для анализа крестьянского хозяйства А.М. Анфимовым (Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). М., 1962. Гл. 3).

чения развития капитализма в крестьянском хозяйстве и призывы к поискам новых материалов.

Так, А.М. Анфимов, рассматривая вопрос о мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России, пишет, что из публикаций земских подворных переписей «воспользоваться можно лишь в общем незначительной частью... сборников, так как в большинстве их не содержится фуппировок дворов по их хозяйственной состоятельности»¹.

Д.И. Будаев указывает, что изучение крестьянского хозяйства «требует вовлечения в научный оборот нового фактического материала, показывающего конкретный ход капиталистического переустройства деревни в разных районах страны»².

Подобные мнения нередко основываются на той критике сводок и фуппировок материалов подворных земских переписей, которая была дана В.И. Лениным. Однако при этом не учитывается то, что, критикуя земских статистиков, В.И. Ленин исходил из необходимости и возможности значительно более глубокой и эффективной обработки и сводки материалов подворных переписей, чем та, которая применялась земствами, во-первых, и при этом не просто констатировал состояние дел, а стремился побудить земских статистиков к движению вперед, во-вторых. Усилия В.И. Ленина и других марксистов не были напрасными. Русским марксистам удалось оказать определенное воздействие на развитие земской статистики.

Поэтому из критики В.И. Лениным земской статистики никоим образом не следует, что какие-то ее материалы, и в частности пообщинные сводки подворных переписей, целесообразно использовать при изучении истории деревни и разложения крестьянства. Наоборот, В.И. Ленин дал высокую оценку попыткам анализа пообщинных сводок подворных переписей. Так, в отзыве на работу Н.А. Карышева, который изучал крестьянскую венадельную аренду по данным поездных сводок подворных переписей³, В.И. Ленин писал: «Мы видим, следовательно, что вывод из общего обзора данных земской статистики получается тот же самый, к которому приводят и изучаемые нами данные»⁴, т.е. данные фуппировок дворов по их хозяйственной состоятельности. В 1896 г. на русском языке вышла работа марксиста И.А. Гурвича, в которой он на основе пообщинных сводок подворных переписей Рязанской губернии показал глубокий и необратимый характер разложения крестьян⁵. Оценивая эту работу, В.И. Ленин отмечал: «Надо удивляться тому искусству, с каким г. Гурвич обработал земско-статистические сборники, не дающие комбинационных таблиц о фуппах крестьян по хозяйственной состоятельности»⁶.

Таким образом, В.И. Ленин считал вполне правомерным использование пообщинных сводок подворных переписей не только для общего анализа социально-экономического развития деревни, но и для изучения разложения крестьянства.

Кроме отмеченных работ, в конце 90-х — начале 1900-х годов под влиянием марксизма были предприняты и некоторые другие попытки использования пообщинных сводок для изучения расслоения крестьян. Одна из таких попыток принадлежит вятским статистикам. Учитывая размеры земледельческого производства и количество рабочего скота, они провели фуппировку волостей и пришли к такому выводу: «Мы имеем здесь дело не только с количественным отличием одних

¹ Анфимов А.М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2. С. 156.

² Будаев Д.И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX вв. С. 13.

³ Карышев Н.А. Крестьянские венадельные аренды. Дерпт, 1892.

⁴ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 88.

⁵ Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896.

⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 174. Примечание.

районов от других, но и с качественным... Цифры действительно обнаруживают полный переворот в строе хозяйства этих районов — переход от сельскохозяйственного хозяйства к промышленному»¹.

П.П. Румянцев проделал аналогичную работу по Вяземскому уезду Смоленской губернии. Он разделил общины по доле малосеющих дворов и установил наличие существенных различий в строе крестьянского хозяйства по разным группам общин². Группировка П.П. Румянцева была применена в Вологодском и Грязовецком уездах Вологодской и Старобельском уезде Харьковской губерний.

Однако интересные опыты использования пообщинных сводок подворных переписей для анализа разложения крестьян, в силу распространения суженного представления о путях изучения этого процесса, не получили дальнейшего развития, и огромный комплекс ценнейших данных до сих пор остается фактически неиспользованным.

В аналогичном положении оказался еще один массив опубликованных данных земских подворных переписей. Это материалы тех публикаций, в которых первичные подворные данные сгруппированы по размерам землевладения, прежде всего по обеспеченности крестьян наделными землями. Этот массив не столь обширен, как пообщинные сводки данных, но все же насчитывает несколько десятков уездов.

Принцип группировки крестьянских хозяйств по размерам наделов (а иногда наделной и покупной земли) вытекал из обстоятельств, породивших самую земскую статистику. Основным из них была потребность в оценке недвижимых имуществ с целью раскладки налогов. Поскольку главным источником земских доходов было обложение земли, то вполне естественно возникла идея группировки крестьянских хозяйств по величине землевладения, и прежде всего по его основной у крестьян форме — наделному землевладению. В реальной же действительности, как хорошо известно, величина наделов ввиду широкого распространения сдачи и аренды земли далеко не отражала истинных размеров крестьянского хозяйства и производства и их уровня. Поэтому группировки по наделам искажают соотношение слоев в среде крестьянства и затушевывают различия между ними. «Пользуясь группировкой по наделу, — указывал В.И. Ленин, — мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю ... Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии»³.

Однако это не исключает возможности использования этих группировок для анализа социально-экономического развития деревни и разложения крестьян, ибо «наделная земля является одним из важнейших факторов благосостояния»⁴ крестьян. Поэтому В.И. Ленин, показав изъяны группировки по наделу, не отвергал ее как всецело ошибочную, а лишь подчеркивал, что «ограничиваться группировкой по наделу при обработке подворных данных о крестьянстве не следует»⁵ (разрядка наша. — *И.К.*). Таково положение дел со сводкой, группировкой и публикацией первичных материалов земских подворных переписей крестьянского хозяйства, а также с практикой их использования при изучении социально-экономического развития деревни и разложения крестьянства. По мере публикации сводных и сгруппированных данных переписей их первичные материалы поступали в архивы, и интерес к ним падал. Исследователи при наличии

¹ Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1900. Т. 12. Ч. 2. С. 282.

² Материалы для оценки земель Смоленской губернии: Экономическая часть. СПб., 1904. Т. 1. Вяземский уезд. Вып. 2.

³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 94.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 97.

огромного числа публикаций практически не обращались к ним. Между тем первичные материалы переписей представляют собой ценнейший источник, при изучении которого исследователи могут применять самые различные методы сводки и группировки, обработки и анализа данных.

В какой мере первичные материалы сохранились в архивах и доступны для использования историками, трудно сказать. Проверка наличия первичных массовых материалов по аграрной истории в архивах Москвы, Владимира, Горького, Костромы, Рязани, Тамбова и Пензы показала, что в фондах губернских и уездных земских учреждений содержатся первичные материалы земских подворных переписей, в ряде случаев в весьма значительных объемах (как, например, по Московской и Пензенской губерниям). Но для выявления объема и полноты этих данных, а следовательно, и их ценности для исторических исследований необходимы специальные разыскания.

В заключение обзора земских подворных переписей крестьянского хозяйства следует отметить еще один вид этих материалов — бюджетные обследования крестьянства. Они явились одной из разновидностей выборочных подворных переписей и проводились по наиболее развернутой программе, включавшей подробные данные о хозяйстве и статьях доходов и расходов крестьян¹.

Общий объем бюджетных обследований невелик. За весь период капитализма они охватили около 12 тыс. крестьянских хозяйств различных районов Европейской России. Но в силу богатых данных о хозяйстве и положении крестьян бюджеты являются уникальным источником для всесторонней характеристики социально-экономического строя и положения различных слоев и групп в среде крестьянства, для выявления всей глубины различий между ними. Они позволяют углубить и конкретизировать анализ социально-экономического развития деревни, основанный на данных сплошных подворных переписей крестьянского хозяйства. Образцом такого использования бюджетных данных является анализ В.И. Лениным во второй главе «Развития капитализма в России» бюджетов воронежских крестьян. Весьма ценные данные о внутреннем строе хозяйства различных слоев крестьянства были получены в результате анализа крестьянских бюджетов и рядом советских историков².

Крестьянские бюджеты оказались источником, при анализе которого еще в досоветский период были применены математические методы. Так, посредством корреляционного анализа исследователи пытались выявить взаимосвязь элементов крестьянского хозяйства³. Сам этот факт, несомненно, был движением вперед в разработке методики и техники анализа статистических данных. Однако ограниченность поставленных задач и узость содержательного анализа не позволили получить посредством обращения к новым методам сколько-нибудь значительных исследовательских результатов.

Новый этап математико-статистической обработки данных крестьянских бюджетов начался в последние годы, когда эти методы стали применяться для выяв-

¹ Обстоятельная характеристика бюджетных обследований крестьян дана в следующих работах: Чаянов А., Студенский Г. История бюджетных исследований. 2-е изд. М., 1922; Чаянов А.В. Бюджетные исследования: История и методы. М., 1929; Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954.

² Здесь прежде всего обращает на себя внимание статья П.Г. Рындыонского (Рындыонский П.Г. Экономический строй крестьянского хозяйства России в пореформенное время // Вопросы истории. 1971. № 11).

³ Хрящева А.И. Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства. Новосильский уезд. Тула, 1914; Чаянов А.В. Опыт разработки бюджетных данных по Старобельскому уезду. М., 1915.

ления социально-экономической структуры различных типов крестьянских хозяйств в период капитализма и в доколхозной советской деревне¹.

Таковы состояние и изученность самого обширного комплекса из массовых источников о крестьянстве — подворных земских переписей крестьянского хозяйства. Несмотря на присущие этому комплексу источники недостатки — разновременность проведения переписей, неполный охват территории страны, различия в программах сбора данных, в методах их сводок и группировок, — он является по объему и богатству данных, их достоверности и точности одним из наиболее ценных массовых источников по социально-экономической истории крестьянства эпохи капитализма.

* * *

Следующим важным массовым источником по социально-экономической истории крестьянства эпохи капитализма являются подворные (посемейные) списки крестьян-заемщиков Крестьянского поземельного банка.

Крестьянский поземельный банк² был учрежден в 1882 г. и имел своей основной целью содействовать выгодной продаже частновладельческих, прежде всего дворянских, земель. Покупщиками этой земли были преимущественно крестьяне. Банк оказывал им содействие в приобретении земли посредством выдачи денежных ссуд.

Крестьяне покупали землю индивидуально, товариществами и целыми сельскими обществами, обращаясь с просьбой о выдаче ссуды в местные отделения банка. Для решения вопроса о выдаче ссуды, ее размерах и условиях банк собирал соответствующую информацию, во-первых, о продаваемой земле и, во-вторых, об ее покупателях.

Необходимые сведения о продаваемой земле местное отделение банка получало из доклада оценщика, как правило, непрямого члена местного отделения банка, выезжавшего на место. Доклад содержал оценочную опись земли (количество и качество земли, способы ведения хозяйства, доходы и т.д.), а также характеристику хозяйственно-экономических условий местности (расстояния от железной дороги, арендные и продажные цены на землю и т.п.). Сведения о покупателях земли, их хозяйственной состоятельности фиксировались в подворных списках (описях) домохозяев, обращавшихся за ссудой. Банк получал эти описи из волостных правлений и проверял точность включенных в них сведений специальной инспектурой. Заинтересованность банка в достоверных сведениях обеспечивали в целом высокую их надежность. На основе собранной информации местное отделение банка принимало решение о выдаче ссуды и ее условиях, которое утверждалось Советом банка в Петербурге.

Вся совокупность материалов, накапливавшихся в процессе оформления ссуды, составляло ссудное дело. Оно имело как бы два варианта, один из которых оставался в местном отделении, а другой направлялся в Центральное правление. Поэтому подворные описания крестьян откладывались в двух местах: либо в делах местных отделений банка, либо в материалах Центрального правления. Как показывает ознакомление по ряду губерний с материалами Центрального правления

По периоду капитализма такой анализ дан в статье В.А. Обожды (Обожда В.А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории: Сб. статей. М., 1975).

Наиболее фундаментальными исследованиями по истории Крестьянского банка являются работы А.Н. Зака (Зака А.Н. Крестьянский поземельный банк. 1882—1910. М., 1911) и В.А. Вдовина (Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1882—1895). М., 1959). В работе Вдовина дан обзор литературы по истории банка. См. также: Сборник правил и инструкций по Крестьянскому поземельному банку. 1883—1908 гг. СПб., 1908.

(в ЦГИА СССР) и местных отделений банка, большая часть подворных описаний, вероятно, оставалась в местных отделениях, хотя количество подворных списков среди дел Центрального правления банка также достаточно велико.

По содержанию подворные описания крестьян-заемщиков банка близки к земским подворным переписям. В них обычно включались сведения о количестве населения и работников, земли наделной, купчей, арендованной и приобретаемой, рабочего и продуктивного скота, а иногда и другие данные (стоимость построек, инвентаря, занятия промыслами и т.д.), т.е. описания заключали в себе основные показатели о состоянии хозяйства крестьян. Набор этих показателей не столь обширен, как в земских подворных переписях. Однако подворные описания крестьян-заемщиков банка как исторический источник имеют и свои преимущества перед ними. Прежде всего они охватывают значительно более широкую территорию, чем земская статистика. К 1890 г. отделения банка имелись в 41, а к 1915 г. — в 68 губерниях и областях России. Многие отделения обслуживали не одну, а несколько губерний, и фактическая деятельность банка распространялась на всю страну. Тем самым открывается возможность в определенной мере компенсировать проблемы земской статистики, поскольку земские подворные переписи были проведены лишь в 35 губерниях.

Далее, подворные описания крестьян-заемщиков банка имеются по всему периоду его деятельности, что позволяет изучать состояние крестьянского хозяйства в динамике, по определенным историческим этапам. Наконец, лучшая сохранность подворных описаний крестьян-заемщиков банка, чем первичных материалов земских подворных переписей, и возможность их выявления в архивах также являются важным достоинством этих описаний.

Всего в 1883—1915 г. Крестьянский банк выдал ссуды: 10291 крестьянскому обществу (на покупку 3101,3 тыс. дес. земли), 75748 крестьянским товариществам (куплено 10391,4 тыс. дес.) и 312051 индивидуальному покупщику (приобретено 4244,5 тыс. дес.)¹. Таким образом, ссудами банка воспользовались несколько сот тысяч дворов целых сельских общин, примерно такое же число крестьянских товариществ и более 300 тыс. дворов индивидуальных покупщиков, т.е. в общей сложности около 1 млн., а может быть, и больше дворов. Если допустить, что в архивах сохранились подворные описания только трети этих дворов (а вполне возможно, что сохранность этих описаний более высокая), то и тогда историки располагают громадным комплексом ценных данных о крестьянском хозяйстве. Не следует также забывать, что материалы Крестьянского банка содержат массовые сведения о помещичьем хозяйстве, общих условиях сельскохозяйственного производства в различных районах и другие показатели.

Данные подворных описаний крестьян-заемщиков банка в сводном, погубернском разрезе публиковались в ежегодно издававшихся отчетах Крестьянского банка и статистических материалах к ним². В отчетах приводится группировка заемщиков по обеспеченности наделной и купленной землей в расчете на душу населения, а также число безлошадных дворов и общее количество скота (крупного и мелкого вместе). Статистические материалы к отчетам, кроме указанных данных, содержат еще группировку заемщиков по обеспеченности рабочим скотом. И хотя погубернские сводки подворных описаний Крестьянского банка менее детальные, чем сводные поездные данные земских подворных переписей, они, будучи ежегодными и охватывая большую территорию, являются ценным

¹ Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 по 1 января 1907 г. СПб., 1907. С. 6; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917. С. 603.

² Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883—1916 гг. СПб., 1884—1917. Статистические материалы изданы лишь за 1908—1914 гг.

сводным массовым источником по истории крестьянства и могут быть широко использованы как самостоятельно, так и в сочетании с подворными описаниями крестьян-заемщиков банка и другими источниками.

До последнего времени материалы Крестьянского поземельного банка в источниковедческом плане специально не изучались.

В аспекте конкретно-историческом они использовались для изучения места Крестьянского банка в аграрной политике царизма и выявления состава покупателей земли с точки зрения их хозяйственной самостоятельности. Еще в 20-е годы были высказаны две точки зрения. Одна исходила из того, что в условиях малоземелья землю у банка покупали прежде всего малоимущие слои крестьянства. Другая сводилась к тому, что землю через банк приобретали прежде всего состоятельные слои деревни¹. В дальнейшем большинство исследователей склонились к выводу, что покупателями земли у банка, особенно в последний период его деятельности (1907—1916 гг.) были зажиточные крестьяне. В.А. Вдовин, изучая этот вопрос применительно к первому периоду в истории банка (1882—1895 гг.) и положив в основу анализа обеспеченность заемщиков землей, пришел к выводу, что основными покупателями земли через банк были малосостоятельные слои крестьянства². При рассмотрении названных проблем использовались общие материалы банка.

Подворные описания крестьян-заемщиков банка также привлекли внимание некоторых исследователей. Так, И.Г. Будак использовал подворные списки заемщиков банка при изучении аграрного капитализма в Бессарабии, а И.П. Хлыстов — на Дону³. Однако они не касались источниковедческо-методических проблем, связанных с этим источником.

Источниковедческой характеристике подворных описаний крестьян-заемщиков банка и методике их обработки и анализа было специально посвящено исследование Р.М. Ивановой⁴. Итоги этого исследования будут рассмотрены ниже.

В целом же и первичные данные подворных описаний крестьян-заемщиков банка, и их сводки в Отчетах банка еще не привлекли такого внимания, какого они заслуживают по своему содержанию и объему.

* * *

Наиболее полным с точки зрения территориального охвата и единовременным в плане сбора данных видом массовых источников по истории крестьянства эпохи капитализма являются переписи 1916—1917 гг.

Проведение первой Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. было обусловлено потребностями учета продовольственных и сырьевых ресурсов в условиях нарастающего продовольственного кризиса, вызванного войной. Перепись была проведена летом 1916 г. и охватила 77 губерний и областей Европейской и Азиатской России, не занятых противником. Осуществление переписи возлагалось на земские учреждения, а там, где не было земств, на уполномоченных Особого совещания по продовольственному делу (в европейской части) и местные переселенческие организации (в азиатской части). Привлечение к организации переписи земских статистических учреждений с их огромным опытом

¹Дубровский СМ. Очерки русской революции. М., 1922. Вып. 1. С. 95; Он же. Столыпинская реформа: Капитализация сельского хозяйства в XX в. М., 1925. С. 225.

²Вдовин В.А. Указ. соч. С. 75.

³Будак И.Г. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1954; Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. Ростов-на-Дону, 1962.

⁴Иванова Р.М. Материалы крестьянского поземельного банка как источник для изучения социально-экономических отношений в деревне в конце XIX — начале XX века: (Подворные списки заемщиков Московского, Пензенского, Курского, Могилевского отделения банка). Автореф. канд. дис. М., 1973.

обследования крестьянского и частновладельческого хозяйства во многом обусловило ее успех и высокий уровень.

Программа переписи определялась теми основными целями, которые ставились при ее проведении. Они сводились не к изучению крестьянского и частновладельческого хозяйства, как в большинстве переписей, а к выявлению состояния производства продовольственных и кормовых культур и скотоводства¹. Применительно к крестьянскому хозяйству программа переписи предусматривала сбор следующих сведений. Одна карточка предназначалась для сплошной переписи хозяйств крестьянского типа. В карточке предусматривался учет пашни (наделной, купчей и арендованной), населения (сюда включались и данные о наемных рабочих), скота и размеров посевов по культурам на землях наделных, купчих и арендованных. Во второй карточке должны были описываться выборочно 5% крестьянских хозяйств. Она дублировала первый формуляр, но данные о скоте и посевах должны были фиксироваться за 1916 и 1915 гг. При проведении переписи данные о скоте за 1915 г. были собраны далеко не везде. Третья карточка также была предназначена для выборочного описания (2% дворов). В ней, кроме данных первых двух карточек, предполагалось учесть еще приход и расход основных продовольственных продуктов и фуража. В действительности такой учет организовать повсеместно не удалось. Дополнительные сведения, фиксировавшиеся в выборочных описаниях, имели своей целью выявить воздействие на крестьянское хозяйство войны.

Достоверность собранных данных проверялась путем выборочных повторных обследований. Соответствующие сопоставления показывают², что расхождения в данных о населении, рабочем и крупном рогатом скоте были незначительными. Несколько большими они были по мелкому скоту и наиболее заметными по размерам посевов. В сплошном обследовании посевы оказались заниженными. Но в целом перепись 1916 г. дала достаточные, а по относительным показателям вполне надежные, обширные и ценные по содержанию данные.

Однако быстро менявшаяся историческая обстановка, обострение продовольственного вопроса и усиление борьбы крестьянства за землю требовали новых данных о состоянии сельского хозяйства и положении деревни. Поэтому в 1917 г. была проведена новая, теперь уже земельная и сельскохозяйственная перепись. Кроме сведений о населении (оно было учтено более детально), скоте и посевах, учитывавшихся в переписи 1916 г., перепись 1917 г. предусматривала сбор развернутых данных о землевладении (по видам угодий и сословно-юридическим категориям — наделные, купчие, хуторские, отрубные и т.д.), а также о найме рабочей силы, «промыслах» крестьян и сельскохозяйственном инвентаре. Всего по крестьянскому хозяйству учитывалось 194 показателя. В целом перепись 1917 г. по своему содержанию значительно превосходила перепись 1916 г. Она была завершена к октябрю 1917 г.

По охвату объектов учета (крестьянских хозяйств) перепись 1917 г. была менее полной, чем перепись 1916 г. Аграрные волнения не позволяли описать в ряде случаев более или менее большое число дворов. Это затрудняет сопоставление их абсолютных итоговых показателей. Некоторые показатели несопоставимы и в силу разного понимания единиц учета. Например, в 1916 г. к наемным рабочим относились лишь те лица, которые проживали или предполагали прожить в описываемом хозяйстве не менее 30 дней, а в 1917 г. — все рабочие. Все это требует определенных коррективов при сравнении результатов двух переписей.

¹ Программа центральной разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1917. С. 33.

² См. предисловие к указанной ниже (сн. 2, стр. 75) публикации предварительных итогов переписи 1916 г.

Разработка первичных данных переписей проводилась на местах¹. Она в первую очередь имела своей целью подготовку материалов для общих и местных их публикаций. В 1916—1917 гг. вышли в свет предварительные поуездные и погубернские итоги переписи 1916 г.² В одной таблице этой публикации приводятся поуездные сведения о населении, скоте и посевах (всего 66 граф) в хозяйствах крестьянского типа и частновладельческих. К первым относились все крестьянские хозяйства, имеющие наделенные или наделенные и покупные земли, а также хозяйства на землях, находящихся в личной собственности крестьян, но не превышающих определенных размеров (как правило, 50 дес). В другой таблице указаны погубернские и порайонные (т.е. по группам губерний) данные, включающие по тем же разделам большое число показателей. Недостатком этого издания является отсутствие в нем учитывавшихся показателей по 1915 г., что не дает возможности изучать воздействие войны на крестьянское хозяйство.

Сводные материалы переписи 1917 г. были опубликованы в изданиях ЦСУ в 1921 и 1923 гг. В первое из них вошли сведения по 52 губерниям и областям³. По крестьянским хозяйствам (а также по частновладельческим хозяйствам и другим хозяйствам «некрестьянского» типа) приводились данные о населении, найме рабочей силы, занятиях «промыслами», землевладении по угодьям, скоте, посевах по культурам, сельскохозяйственному инвентаре. Публикация далеко не охватывала всех собранных данных о крестьянстве (из 194 показателей в нее вошло только 106).

Второе издание материалов переписи было поуездным (с указанием итогов по губерниям) и охватывало 57 губерний и областей⁴. Публикация включала те же разделы, но общее число показателей было сокращено до 62. Были опущены данные о разделении по полу отсутствующего населения, а также лиц, занятых «промыслами» и работой по найму, распределение посевов по культурам включало лишь основные из них и т.д.

В обе публикации не вошли сведения об использовании труда военнопленных и беженцев, число работников, участвовавших в различных видах полевых работ, распределения земли на хуторскую, отрубную и чересполосную, общинную и укрепленную, о купчей земле по категории владельцев и др.

Недостатком публикаций материалов переписей 1916 и 1917 гг. является их сводно-территориальный и крупномасштабный (уезды и губернии) принцип, отсутствие данных по более мелким территориальным единицам (волостям и селениям) и группировок дворов по их хозяйственной состоятельности. Частично эти проблемы были компенсированы в некоторых местных изданиях⁵.

¹ О системе и программе разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. М., 1918.

² Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916; Вып. 2. Кавказ. Пг., 1917; Вып. 3. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. М., 1917.

³ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. Труды ЦСУ. 1921. Т. 5. Вып. 1.

⁴ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Труды ЦСУ. 1923. Т. 5. Вып. 2.

⁵ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года; Костромская губерния. Кострома, 1918. Вып. 3. Итоги комбинационного подсчета; Итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Новгородской губернии. Новгород, 1920. Т. 1; Итоги выборочных подсчетов сельскохозяйственной переписи 1917 г. (Комбинационные и групповые итоги). Харьков, 1931. На укр. яз. Перечень местных публикаций материалов переписей 1916 и 1917 гг. дан в библиографическом указателе: Машихин Е.А., Симчера В.М. Статистические публикации в СССР. М., 1975.

В целом и общие и местные публикации материалов переписей 1916 и 1917 гг. далеко не исчерпали данных не только опросных бланков, но даже и тех разработок и сводок, которые были составлены на их основе местными переписными учреждениями. Экземпляры этих сводок, поступившие в ЦСУ, как указывает М. Анфимов, утрачены¹. Их дубликаты оставались в губернских учреждениях, поэтому необходимо выявление их наличия в местных архивах. В последних сохранились и первичные материалы переписей. Так, большой комплекс первичных данных переписи 1916 г. по Западной Сибири хранится в Томске². Обнаружены в значительном объеме первичные материалы (подворные карточки) переписи 1916 и 1917 гг. в архивах Тамбова, Пензы, Владимира, Костромы и Горького. Можно полагать, что такие материалы сохранились и во многих других архивах.

Следовательно, сведения о крестьянской переписи 1916 и 1917 гг. имеются в наиболее полном по территориальному охвату объеме (в поездном и погубернском разрезе) в сводных публикациях, в более развернутой разработке — в местных публикациях и в виде первичных необработанных материалов (а возможно, и в виде сводок) — в местных архивах. Все они в той или иной мере доступны исследователям и представляют собой богатейший комплекс данных о крестьянстве кануна Октябрьской социалистической революции.

Специальному источниковедческому анализу материалы о крестьянстве переписей 1916 и 1917 гг. стали подвергаться лишь в последнее время. Л.С. Терещенко провела источниковедческий анализ переписи 1917 г., а И.В. Островский — переписей 1916 и 1917 гг. (на материалах Западной Сибири)³. Оба исследователя рассматривают историю проведения переписей, их программы, технику сбора данных, их полноту, методы обработки и сводки материалов, их публикацию. В.И. Островский касается также и методики анализа данных переписей при изучении на основе их крестьянского хозяйства. Общая источниковедческая характеристика переписей, естественно, облегчает работу с ними исследователей.

Однако одному из главных аспектов источниковедческого анализа массовых источников, а именно разработке методов их изучения, применительно к материалам переписи 1916 и 1917 гг. все еще не уделяется должного внимания. В этом — одна из причин того, что в конкретно-исторических исследованиях по истории крестьянства эпохи капитализма материалы переписей используются для изучения ограниченного круга вопросов.

Наиболее широко сводные (губернские и уездные) данные переписей 1916 и 1917 гг. привлек А.М. Анфимов при изучении крестьянского хозяйства в годы первой мировой войны⁴. Весьма ценным является проведенное им сопоставление данных переписей со сводными материалами земских подворных описаний, которое позволило конкретно показать пагубное воздействие войны на крестьянское хозяйство. В целом к опубликованным данным переписей 1916 и 1917 гг. исследователи обращались прежде всего для изучения общего состояния крестьянского хозяйства и в очень малой степени привлекали для анализа масштабов и глубины развития капитализма в деревне, ибо, как отмечается в литературе, по данным сводных публикаций «невозможно выделить типы хозяйств по их хозяйственной состоятельности и социальной роли»⁵. Для преодоления этого недостатка была

¹ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. С. 16—17.

² Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода капитализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 44—45.

³ Терещенко Л.С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник: Автореф. канд. дис. М., 1968; Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири: (Источниковедческое исследование).

⁴ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. Гл. 3.

⁵ Там же. С. 17.

предпринята попытка обращения к первичным материалам переписей, при обработке которых исследователи могут группировать крестьянские дворы по их хозяйственной состоятельности. Такая обработка первичных материалов переписи 1916 г. по Западной Сибири с использованием ЭВМ была проделана группой сибирских историков во главе с Л.М. Горюшкиным¹.

Была сделана выборка 8555 дворов из 11 волостей, расположенных в различных природно-хозяйственных зонах Томской губернии. Эти дворы составляли несколько более трети всех дворов выделенных типичных волостей. Группировка крестьянских дворов по размерам посева, числу рабочих лошадей и коров, количеству наемных работников дала возможность получить данные о соотношении различных групп в среде крестьянства и социально-экономическом строе их хозяйства.

В целом проведенный анализ показал, что обращение к первичным материалам переписей 1916 и 1917 гг. открывает перед исследователями широкие перспективы для изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства накануне Октябрьской социалистической революции. Но для последующего систематического вовлечения в научный оборот первичных материалов о крестьянстве переписей 1916 и 1917 гг. необходимы, во-первых, выявление в местных архивах и приведение в рабочее состояние этих материалов и, во-вторых, разработка единых принципов, путей и методов их обработки и анализа, с тем чтобы были сопоставимы и сводимы результаты их региональной разработки.

* * *

Таким образом, в распоряжении историков имеется огромный массив массовых данных по истории крестьянства эпохи капитализма. Однако он еще в очень слабой степени разработан источниковедчески-методически и крайне ограниченно вовлечен в научный оборот. В той или иной мере используются сводные материалы земских подворных переписей, отчетов Крестьянского банка и переписей 1916 и 1917 гг. Первичные же материалы практически почти не затронуты исследованием. Обращает на себя внимание то, что привлекаемые сводные данные используются содержательно в весьма узком диапазоне, главным образом для изучения общего состояния крестьянского хозяйства, и почти не анализируются на предмет выявления уровня развития буржуазных отношений в деревне. Далее, несмотря на массовый характер, данные различных источников используются в значительной мере иллюстративно. Эти источники рассматриваются не как цельные информационные комплексы, из которых историк может извлечь определенную систему данных, необходимых для изучения тех или иных процессов, а фактически лишь как простые совокупности тех или иных сведений о крестьянстве. С другой стороны, отдельные типы и виды массовых источников оцениваются как нечто самодовлеющее, а не как составная часть общего комплекса массовых источников по истории крестьянства, тесно связанных своим происхождением и содержанием и поэтому требующих комплексного подхода при их источниковедческо-методическом изучении и включении в научный оборот.

Понятно, что иллюстративно-выборочный и узкий содержательный подход к использованию массовых данных о крестьянстве, отсутствие системности и комплексности в привлечении их обусловлены, во-первых, отсутствием целостности в постановке и проведении соответствующих исследований и, во-вторых, прямо-

¹ Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С., Островский И.В., Рябоконеv А.М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. Гл. IV.

линейным конкретно-методологическим рассмотрением сущности тех или иных явлений или сторон истории крестьянства.

Все это и выдвигает на первый план на настоящем этапе изучения данной проблемы (впрочем, не только этой проблемы) вопросы конкретной методологии, источниковедения и методов анализа массовых источников и данных.

Методы обработки и анализа массовых данных о крестьянстве

Самым существенным явлением в социально-экономической истории крестьянства пореформенной эпохи было развитие капитализма в крестьянском хозяйстве и утверждение в деревне буржуазной социальной структуры, т.е. разложение старого, феодального крестьянства и формирование новых, буржуазных социальных слоев и классов. Раскрытие масштаба и глубины, закономерностей и особенностей этого сложного процесса является одной из основных задач советских историков. Много в этом направлении уже сделано, однако всестороннее и фундаментальное изучение развития капитализма в деревне еще только разворачивается. Поэтому в решении стоящих задач наряду с углубленным теоретико-методологическим анализом важную роль должно сыграть широкое вовлечение в научный оборот массовых источников о крестьянстве и совершенствование методов их обработки и анализа.

В первую очередь следует расширить масштабы и повысить эффективность использования опубликованных сводно-территориальных данных земских подворных описаний, переписей 1916 и 1917 гг., Отчетов Крестьянского банка и других источников.

Эти публикации содержат богатейший материал для раскрытия общих макро- и микрорегиональных условий и черт буржуазной эволюции деревни. В этом отношении особенно ценны пообщинные сводки земских подворных переписей, поскольку они содержат данные на уровне наиболее мелких территориальных единиц (вплоть до отдельных селений). Развернутую программу обработки этих данных выдвинул В.И. Ленин в статье «К вопросу о задачах земской статистики» (1914 г.). Он писал: «Отметим, по крайней мере, некоторые из группировок, которые могли бы и должны бы были быть произведены для использования богатейшего земско-статистического материала. Желательно разделить уезд и губернию (речь идет о материалах по Пензенской губернии) на районы по наибольшему распространению торгового земледелия разных видов (переработка хлебов и картофеля в вино; сбыт молочных продуктов; маслобойни; особые торговые растения и т.д. и т.п.); — затем по промыслам неземледельческим и по отходу; по условиям помещичьего хозяйства (близость помещичьих экономий или отсутствие их, преобразование крепостнического, отработочного, барщинного, испольного, издольного и т.п. или капиталистического, вольнонаемного, помещичьего хозяйства); — далее, по степени развитости торговли и капиталистического оборота вообще (крайне важное деление, которое сделать обязательно с точки зрения азбуки политической экономии и которое легко сделать, хотя его обычно не делают: группировка селений по расстоянию от железной дороги, от базаров, торговых центров и т.п.); — по величине селений...»¹. Как многие из указанных, так и другие группировки селений и волостей либо уездов могут быть выполнены по публикациям материалов земских описаний и переписей 1916 и 1917 гг. Их эффективность хорошо видна на таком примере. Кашинский уезд Тверской губернии принадлежал к району с развитым молочным животноводством. Поэтому из 19 волостей уезда по данным земского подворного описания конца 80-х годов

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 279-280.

XIX в. были выявлены пять волостей, в которых доля многокоровных дворов (с тремя и более голов) превышала 20% всех дворов, и семь волостей, где многокоровные дворы составляли менее 10% дворов.

Далее, в каждой категории волостей были выделены по две группы селений. В одну вошли селения, где многокоровные дворы составляли более 30% дворов, а во вторую — селения, в которых таких дворов вообще не было. Затем по каждой категории селений была определена обеспеченность крестьян коровами, землей, хлебом, а также втянутость в промысловую деятельность. Итог получился такой (табл. 1).

Таблица 1

Состояние хозяйства крестьян Каширского уезда в многокоровных и малокоровных селениях

На душу	Многокоровные	Малокоровные
Коров	0,37	0,19
Надельной земли (дес.)	1,68	1,48
Покупной и арендованной земли (дес.)	0,61	0,28
Сборы хлебов и картофеля (четвертей)	3,06	1,89
Занято промыслами (в % к числу населения)	15,90	23,40

Совершенно очевидно, что условия развития крестьянского хозяйства и его уровень в двух группах селений были существенно отличны. Ясно и то, что буржуазная эволюция крестьянского хозяйства и ее характер были здесь также различными.

Здесь мы подошли к вопросу о возможности использования сводных массовых данных о крестьянстве для изучения характера его разложения. В.И. Ленин, анализируя процесс разложения крестьян в конце XIX в. и сравнивая его особенности в различных местностях, подчеркивал, что «в одних особенно рельефно сказывается образование из крестьян сельских предпринимателей, — а в других — образование сельского пролетариата»¹. Все из охарактеризованных выше сводных материалов в той или иной мере могут быть использованы для выявления этой важной особенности разложения крестьянства.

Так, поуездные данные переписи 1917 г. о применении найма и числе крестьянских хозяйств без рабочего скота и инвентаря, а также другие показатели могут быть основой для выявления районов наиболее интенсивного обуржуазивания и пролетаризации крестьянства.

Еще более ценными для выявления этой особенности разложения крестьянства являются пообщинные сводки земских подворных переписей как в силу возможности изучения процесса на уровне волостей и селений, так и благодаря наличию в них показателей о соотношении в среде крестьянства различных по хозяйственной состоятельности слоев. К таким показателям относятся данные о распределении дворов по их обеспеченности лошадьми и коровами (число дворов безлошадных и бескоровных, с одной, двумя, тремя или четырьмя и более лошадьми или коровами), которые имеются во всех пообщинных сводках, а также по размерам посевов, которые содержатся в сводках по многим уездам. Это дает возможность выделять группы волостей и селений по соотношению в них дворов с разной обеспеченностью рабочим или продуктивным скотом либо по размерам посевов, а затем устанавливать средний уровень крестьянского хозяйства по другим показателям.

Такой анализ пообщинных сводок земско-статистических подворных переписей не только позволяет выделить местности с преимущественной тенденцией образования в среде крестьянства сельской буржуазии или пролетариата, что важно и для раскрытия общего характера разложения крестьянства, и для выявления его региональных особенностей, но и получить представление о степени внутриобщинного разложения крестьянства. Разумеется, эти представления будут самыми общими, ибо судить о глубине различий в уровне хозяйства полярных групп в среде крестьянства можно лишь приблизительно, по средним данным о состоянии этого хозяйства в полярных группах селений¹. Остановимся на этом подробнее.

Существенным недостатком земских сводок подворных описаний крестьянских хозяйств на основе группировки дворов по их хозяйственной состоятельности является то, что при обработке материала не учитывалось преимущественное образование в среде крестьянства в одних селениях и местностях сельской буржуазии, а в других — пролетариата. Между тем преобладание той или иной тенденции означало, что зажиточные слои деревни в одних местностях были более состоятельны, чем в других, а беднейшие слои — более разорены, чем в других. Поскольку же данные по различным группам, как правило, выводились как среднеуездные, то в них складывались в зажиточных группах разной степени богатые дворы, а в беднейших — в неодинаковой мере разоренные дворы. Тем самым затушевывалась глубина поляризации крайних групп. Понятно, что указанный просчет методологически не столь радикален, как тот, который имел место при пообщинных сводках, когда вообще усреднялись данные по разным типам крестьянских хозяйств. Однако на практике это правило ведет к тому, что существенно отличные по принципу составления пообщинные и поимущественные сводки данных подворных описаний по целому ряду аспектов разложения крестьянства рисуют весьма сходную картину. Проиллюстрируем это на примере Трубчевского уезда Орловской губернии, по которому по обследованию 1886 г. имеются и пообщинные сводки данных, и группировка крестьянских дворов по их хозяйственной состоятельности (по обеспеченности лошадьми)².

Для сопоставления пообщинных и подворных сводок нами проделана следующая обработка пообщинных данных. Поскольку в уезде широкое распространение получили промысловые занятия крестьян, то были выделены две группы волостей: земледельческие и промысловые. В первую очередь вошли волости, в которых промыслами занимались не более трети дворов, а во вторую — волости, где в них вовлечено было более половины дворов. Затем в каждой группе выделялись селения многолошадные, в которых дворы с четырьмя и более лошадьми составляли свыше 30% всех дворов, и малолошадные, где дворы с четырьмя и более лошадьми вообще отсутствовали. По этим двум группам селений были установлены средняя населенность дворов, доля хозяйств с промыслами, количество на душу населения лошадей, коров и арендованной земли. Такие же показатели в среднем по уезду вычислялись и для групп хозяйств безлошадных и однолошадных и с четырьмя и более лошадьми, выделенных в сводках дворов по их хозяйственной состоятельности. Посмотрим прежде всего, как распределялись по указанным многолошадным и малолошадным группам селений зажиточные и беднейшие дворы (табл. 2).

¹ Методику подобного анализа пообщинных сводок земских переписей см.: Разумов Л.В. О методике анализа земско-статистических подворных описаний крестьянских хозяйств по материалам Зубцовского уезда Тверской губернии // Вопросы истории СССР. Сб. статей. М., 1972; Анализ земско-статистических подворных описаний крестьянских хозяйств по материалам Кашинского уезда Тверской губернии // Проблемы истории СССР. Сб. статей. М., 1973.

² Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Орел, 1887. Т. III. Трубчевский уезд.

Доля **зажиточных** и беднейших дворов в многолошадных и малолошадных селениях Трубчевского уезда

Волости	Многолошадные селения		Малолошадные селения	
	в них доля дворов (в %)			
	с 4 и более лошадьми	без- и однолошадных	с 4 и более лошадьми	без- и однолошадных
Земледельческие	39,7	25,7		50,0
Промысловые	66,6	16,6	—	68,7
По всем волостям уезда	47,5	21,0		62,5

Как видим, в многолошадных земледельческих селениях зажиточные дворы составляли $\frac{2}{5}$ (39,7%), а в промысловых $\frac{2}{3}$ (66,6%) всех дворов этих селений. Это значит, что средние показатели по этим селениям, в первую очередь промысловым, определяются данными зажиточных деревень. Беднейшие же дворы в малолошадных земледельческих селениях составляли 50,0%, а в промысловых — 68,7% всех дворов, т.е. здесь средние показатели (и опять-таки прежде всего в промысловых селениях) отражали главным образом состояние хозяйства беднейших крестьян. Из этого следует, что при группировке селений по общему уровню развития в них крестьянского хозяйства средние данные по наиболее зажиточным и беднейшим группам селений тем в большей мере будут отражать состояние хозяйства состоятельных и разоряющихся дворов, чем большей будет доля таких дворов в этих группах селений.

Далее, обращает на себя внимание следующий момент. В среднем по всему уезду по данным подворных группировок насчитывалось 14,9% зажиточных дворов с 4 и более лошадьми и 37,8% беднейших безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств. Эти показатели не отражают того факта, что в многолошадных селениях уезда доля зажиточных дворов была намного больше (47,5%), а в малолошадных селениях — значительно выше доля беднейших дворов (62,5%). Иначе говоря, подворные похозяйственные сводки скрывают существенные различия в распределении зажиточных и беднейших дворов по разным местностям уезда.

Перейдем теперь к сравнению степени различий в хозяйственной состоятельности крестьян по данным пообщинных сводок и хозяйственных группировок (табл. 3).

Таблица 3

Разложение крестьян Трубчевского уезда по сравнительным данным пообщинных и хозяйственных группировок*

Показатели	На двор душ обоего пола	Дворов с промыслами (%)	На душу населения		
			лошадей	коров	арендовано земли (дес.)
<i>В многолошадных селениях:</i>					
земледельческих	8,1	14,2	0,41	0,21	0,88
промысловых	8,5	25,0	0,40	0,30	0,45
всего по уезду	8,1	23,6	0,39	0,21	0,76
<i>В зажиточных (4 и более лошадей) дворах по уезду</i>					
	10,7	33,1	0,45	0,19	0,88

Показатели	На двор душ обоего пола	Дворов с промыслами (%)	На душу населения		
			лошадей	коров	арендовано земли (дес.)
<i>В малолощадных селениях:</i>					
земледельческих	6,0	39,0	0,24	0,13	0,31
промысловых	6,6	76,7	0,19	0,15	0,17
всего по уезду	6,4	61,2	0,19	0,14	0,24
<i>В беднейших (безлошадных и однолошадных) дворах по уезду</i>					
	5,1	59,3	0,14	0,15	0,20

К многолошадным отнесены селения, в которых дворы с 4 и более лошадьми составляли более 30% всех дворов, а к малолощадным — селения, в которых дворы с 4 и более лошадьми отсутствовали. К земледельческим причислены волости, где дворы с промыслами не превышали третьей части всех дворов, а к промысловым — такие, где дворы с промыслами составляли более половины.

Средние уездные данные в многолошадных селениях сравнительно с данными по зажиточным дворам по обеспеченности коровами фактически совпадают (0,21 и 0,19), по лошадям — очень близки (0,39 и 0,45). Не так существенно и различие по аренде (0,76 и 0,88). Лишь по населенности дворов и занятию промыслами расхождение существенно. Такая же примерно картина по данным малолощадных селений и беднейших дворов.

Наиболее значительные расхождения в данных о населении вполне понятны. Усреднение по селениям всех типов дворов привело к занижению населенности зажиточных и завышению беднейших дворов. Ясны и различия в долях дворов, занятых промыслами и многолошадных селениях и дворах. Данные по селениям учитывают их лишь в наиболее состоятельных селениях, а в подворной группировке — в зажиточных дворах всех селений. В последнем случае их доля, естественно, была больше. Этим же объясняются и заметные различия в аренде. Из данных таблицы хорошо видны и пробелы подворных средних. Так, они скрывают тот факт, что в промысловых многолошадных селениях обеспеченность коровами была заметно выше (0,30 против 0,19), а размеры аренды значительно ниже (0,45 против 0,88), чем в селениях земледельческих. С арендой дело обстоит точно так же и в малолощадных селениях.

В целом сравнительные показатели двух группировок данных по Трубчевскому уезду убедительно, а в свете сложившегося отношения к ним исследователей даже удивительно ярко демонстрируют возможность использования пообщинных сводок для приближенного суждения о степени различий в хозяйственной состоятельности полярных слоев в среде крестьянства по уровню крестьянского хозяйства в наиболее и наименее состоятельных группах селений.

Однако правомерность использования пообщинных сводок для выявления различий в хозяйственной состоятельности полярных слоев в среде крестьянства никоим образом не означает того, что они могут заменить данные группировок дворов по их хозяйственной состоятельности. Пообщинные сводки даже при самой глубокой их разработке могут дать лишь самое приблизительное представление о хозяйственных различиях внутри общины, да и то только на ее противоположных полюсах и в той или иной мере стусевывая эти различия. Так, из рассматриваемых данных по Трубчевскому уезду видно, что по данным подворных и пообщинных сводок обеспеченность высших групп превышала обеспеченность

низших групп соответственно: по населению — в 2,10 и 1,27 раза, по лошадям — в 3,21 и 2,05, по аренде земли — в 4,40 и 3,17 и по коровам — в 1,27 и 1,50 раза, т.е. пообщинные сводки хотя и показывают наличие существенных различий в уровне хозяйства полярных групп дворов, но в значительной мере преуменьшают их. Поэтому пообщинные данные нельзя использовать вместо подворных хозяйственных группировок — они пригодны лишь для частичной их компенсации там, где эти группировки отсутствуют и не могут быть заменены сведениями других источников.

* * *

Значительно более эффективным может быть использование сводно-территориальных данных о крестьянстве подворных земских описаний, переписей 1916 и 1917 гг. и отчетов Крестьянского банка для анализа внутренней структуры и общего уровня развития товарно-капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве различных районов и местностей. Это можно сделать путем выявления взаимосвязей различных сторон и черт крестьянского хозяйства, зафиксированных в совокупности показателей (признаков), содержащихся в указанных источниках. Простейшим методом выявления тесноты такой взаимосвязи является корреляционный анализ. Теоретико-методологической посылкой для содержательной исторической интерпретации его результатов служат положения марксистской политэкономии о сущности товарно-капиталистического производства. Главная их суть состоит в том, что по мере втягивания крестьянского (и помещичьего) хозяйства в рыночные, товарно-денежные отношения и развития в нем товарного производства функционирование этого хозяйства подчинялось законам, присущим данному производству, прежде всего закону стоимости и конкуренции. Это привело к постепенному установлению внутренней сбалансированности хозяйства, возникновению все более тесной взаимосвязи между его различными компонентами (размеры производства, производственно-техническая база, трудовые ресурсы и т.д.). Степень такой сбалансированности, выражаемая теснотой взаимосвязи различных признаков, и является показателем глубины развития в этом хозяйстве товарно-капиталистических отношений.

Изучать характер взаимосвязи различных компонентов крестьянского хозяйства, т.е. выявлять его внутреннюю структуру, можно по тому или иному набору признаков, содержащихся в источниках. Необходимо, конечно, чтобы набор признаков отражал основные компоненты. Особенно важно для выяснения степени развития буржуазно-капиталистических отношений в этом хозяйстве наличие данных о применении наемного труда, ибо характер взаимосвязи указанного компонента с другими (прежде всего с производственно-техническими показателями) в первую очередь отражает глубину товарно-капиталистической эволюции крестьянского хозяйства.

Сводные данные земских подворных описаний и переписей 1916 и 1917 гг. позволяют изучать структуру крестьянского хозяйства по средним губернским, уездным, волостным и поселенным данным, выделяя различные регионы и местности и раскрывая степень ее (структуры) сопряженности на разных уровнях выражения закономерностей, присущих товарно-капиталистическим отношениям.

В качестве примера рассмотрим социально-экономическую структуру крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 г. по 38 губерниям Европейской России и уездам четырех южных губерний (Екатеринославская, Донская, Саратовская и Самарская). Для корреляционного анализа взяты семь показателей, характеризующих основные производственно-экономические и социально-экономические аспекты крестьянского хозяйства: размеры земледельческого производ-

ства, обеспеченность рабочим скотом и инвентарем, степень распространения наемного труда. Как видно из матрицы коэффициентов корреляции (табл. 4), и по Европейской России, и по Южному Степному району взаимосвязь между всеми показателями была прямой и тесной.

Таблица 4

Корреляционная модель социально-экономической структуры крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 г.

Показатели	1	2	3	4	5	6	7
	Южный Степной район						
<i>Хозяйства с наемными рабочими (%)</i>	X	0,89	0,79	0,88	0,80	<u>JL5i</u>	0,58
Наемные рабочие (в % к работникам)	0,95	X	0,73	1,00	0,64	0,47	0,71
<i>На двор:</i>							
посевов	0,48	0,51	X	0,72	0,83	0,62	0,65
наемных рабочих	0,95	0,99	0,52	X	0,65	0,48	0,74
тяглогового скота	0,61	0,67	0,79	0,67	X	0,74	0,69
плугов	0,41	0,46	0,34	0,54	0,45	X	0,71
усовершенствованных орудий	0,57	0,62	0,65	0,73	0,73	0,44	X
	Европейская Россия						

Средняя теснота взаимосвязи по всем показателям (средний коэффициент корреляции из всех парных коэффициентов) равнялась по Европейской России 0,65, а по Южному Степному району 0,71. Это значит, что в первом случае имели место близкие к господству, а во втором — господствовали черты внутренней структуры крестьянского хозяйства, обусловленные товарно-капиталистическим характером этого хозяйства. В социально-экономическом аспекте особенно важна тесная взаимосвязь обеспеченности крестьянского хозяйства наемными рабочими, тягловым скотом и усовершенствованным инвентарем. Совокупная взаимосвязь по этим показателям по Европейской России составляла 0,71 и по Южному Степному району 0,69, т.е. была очень тесной. И это при том, что в данном случае были взяты все губернии Европейской России и уезды Южного Степного района без какой-либо предварительной группировки их, которая позволила бы выделить регионы со сходными чертами и тенденциями развития крестьянского хозяйства, а потому и с более тесной взаимосвязью его компонентов.

Таким образом, сводные данные вполне позволяют выявить общий характер социально-экономического строя, а следовательно, и уровень развития товарно-капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве.

Материалы переписей 1916 и 1917 гг. дают возможность изучать этот строй на губернском и уездном уровне, сводки же земских подворных описаний наряду с уездными — на уровне волостей и селений, т.е. в микрорегиональном аспекте. Насколько может быть эффективен микрорегиональный анализ структуры крестьянского хозяйства, хорошо видно на примере выявления этой структуры по двум группам селений Кашинского уезда. В первую вошли 35 наиболее многокоровных селений (дворы с 3 и более коровами составили свыше 30% дворов), во вторую группу попало 21 малокоровное селение (селений, в которых дворов с 3 и более коровами, не было совсем) земледельческих волостей уезда.

Для анализа структуры крестьянского хозяйства было взято 6 показателей, характеризующих размеры общего землепользования (надельные покупные и арен-

дурные земли) и сельскохозяйственного производства, а также обеспеченность рабочим и продуктивным скотом и наемными работниками.

Итоги корреляционного анализа дали очень интересные результаты (табл. 5). Во-первых, две группы селений представляют разные по отраслевому направлению типы крестьянского хозяйства: животноводческое в многокоровных и земледельческое в малокоровных селениях. Об этом свидетельствует разный характер взаимосвязей признаков. В первой группе селений взаимосвязаны размеры общего землепользования, обеспеченность коровами, наемными работниками и масштабы применения наемного труда, а во второй — размеры посевов, обеспеченность наемными работниками, масштабы найма и обеспеченность лошадьми (пока только явственно по отношению к размерам посевов). Во-вторых, в обеих группах селений обнаружилась тенденция к установлению уже сравнительно устойчивой взаимосвязи между определяющими их структуру компонентами — совокупный коэффициент корреляции в первой группе (по 1, 4, 5 и 6 признакам) равен 0,60, а во второй (по 2, 3, 5 и 6 показателям) 0,53. И хотя эта взаимосвязь еще не была достаточно тесной, она, несомненно, свидетельствует об усиливающейся связи крестьянского хозяйства с рынком через ведущую отрасль производства (соответственно животноводство и земледелие). В-третьих, рассматриваемый пример наглядно иллюстрирует необходимость при изучении структуры крестьянского хозяйства и уровня его товарно-капиталистической организации выделения однотипных в том или ином отношении объектов анализа. Применительно к сводным данным, составленным по территориальному признаку, это будут совокупности определенных губерний, уездов, волостей или селений, в пределах которых крестьянское хозяйство обладало теми или иными отличительными чертами (производственно-отраслевыми, социально-экономическими и др.).

Таблица 5

**Корреляционная модель структуры крестьянского хозяйства
в селениях Кашинского уезда в конце 1880-х годов**

Признаки	1	2	3	4	5	6
Малокоровные селения						
На двор:						
всего землепользования (дес.)	X	0,21	0,08	0,09	0,08	0,10
посевов зерновых (дес.)	0,27	X	0,67	0,37	0,63	0,57
лошадей	0,38	0,51	X	0,58	0,18	0,23
коров	0,43	0,35	0,25	X	-0,05	-0,10
наемных работников	0,51	0,21	0,19	0,59	X	0,89
дворов с наемными работниками (%)	0,49	0,24	0,23	0,59	0,97	X

Многокоровные селения

Таким образом, сводные данные о крестьянском хозяйстве, зафиксированные в материалах земских подворных описаний, переписей 1916 и 1917 гг., в отчетах Крестьянского банка (и других не рассматривавшихся в данной главе массовых источников), позволяют при надлежащей их обработке и анализе изучить многие важные стороны и черты, явления и процессы в развитии крестьянского хозяйства и социально-экономическом строе деревни эпохи капитализма.

Однако при всех своих достоинствах (обобщенный характер и широта данных, единые принципы их сводки, доступность для исследователей и др.) сводные данные массовых источников о крестьянстве имеют и свои недостатки. Главный из них состоит в том, что они, как правило, не содержат группировок дворов по их

хозяйственной состоятельности и поэтому не позволяют выделять качественно отличные слои в среде крестьянства, определять их соотношение и развернуто характеризовать присущие им черты и тенденции развития, внутренний строй их хозяйства, социальную структуру деревни и т.д. В силу этого историки всегда наряду с использованием сводных данных испытывали необходимость обращения и к первичным массовым материалам о крестьянстве. Такая потребность особенно настоятельно стала проявляться в последнее время. Этим обусловлен растущий интерес к методам обработки и анализа первичных массовых данных о крестьянстве. Остановимся на некоторых наиболее существенных моментах, возникающих в этой связи.

* * *

Обращаясь к массовым первичным материалам о крестьянстве (да и не только о крестьянстве), исследователи, естественно, могут оперировать лишь с определенной их частью, т.е. обрабатывать и анализировать выборки данных. И если при этом имеется в виду привлечение первичных данных не в качестве простой иллюстрации, а для раскрытия сути изучаемых явлений и процессов в целом, то неизбежно возникает проблема репрезентативности, представительности выборок данных.

Поскольку вовлечение в научный оборот первичных массовых источников все более расширяется, постольку для историков становится неотложной задачей овладение методами формирования репрезентативных выборок и установления представительности выборочных данных.

При этом с проблемой репрезентативности выборочных данных исследователь может сталкиваться в двух вариантах. Первый из них тот, когда надлежит сформировать выборку из массива первичных массовых источников, охватывающих всю совокупность объектов (ее называют генеральной совокупностью), подлежащих изучению (например, крестьянское хозяйство определенного региона в тот или иной период времени). Во втором случае приходится иметь дело с так называемой естественной выборкой данных, т.е. с таким сохранившимся (или доступным исследователю) комплексом первичных материалов, который характеризует лишь ту или иную часть объектов, составляющих генеральную совокупность. Он может представлять собой либо материалы выборочных обследований (они часто практиковались, как указывалось в земской статистике), либо сведения, характеризующие лишь часть объектов генеральной совокупности (например, подворные списки заемщиков Крестьянского банка составлялись только на крестьян, обратившихся за ссудой), либо, наконец, просто сохранившуюся часть некогда цельного, генерального комплекса данных (скажем, первичных материалов сплошных земских подворных описаний или учетных карточек переписей 1916 и 1917 гг.).

В первом случае задача состоит в том, чтобы сформировать репрезентативную выборку из имеющихся данных генеральной совокупности, а во втором — в том, чтобы проверить представительность сохранившихся и используемых исследователем данных естественных выборок.

Репрезентативную, представительную выборку из генеральной совокупности можно сформировать на основе методов, хорошо разработанных в математической статистике. Доказано, что представительной, правильно отражающей свойства генеральной совокупности является выборка случайная, т.е. такая выборка, при образовании которой каждый объект этой совокупности имеет равный шанс попасть в выборку. При изучении разнородных по своему составу совокупностей наиболее эффективной является типически-случайная выборка. При образовании такой выборки исследуемая совокупность первоначально делится на сходные в том или ином отношении части, которые представляют собой как бы малые генеральные совокупности. Затем из каждой части уже случайным методом отбирается определенная часть объектов, на основе которой и ведется изучение всей генеральной совокупности.

Такой метод нормирования выборки был применен сибирскими историками при изучении крестьянского хозяйства в Томской губернии по первичным данным (опросным карточкам) переписи 1916 г.¹ Первоначально Томская губерния была разделена на четыре природно-географические зоны (таежная, лесостепная и горно-таежная). Затем в каждой зоне было выделено по несколько волостей (по всем зонам их было взято 11) с учетом хозяйственных занятий, состава сельского населения (старожилы, переселенцы, аборигены, казаки), расстояния от городов, станций железной дороги и т.д. Это был второй этап типического отбора.

Наконец, в каждой типической волости уже методом случайного отбора выделялось несколько селений, и данные о крестьянских дворах этих селений включались в выборку. В итоге в выборку вошло 8555 дворов, или 36,6% всех дворов 11 типических волостей. Данные об этих дворах затем подвергались обработке (группировка дворов по размерам посевов, числу наемных работников и т.д.) и послужили основой для анализа состояния хозяйства и характера разложения крестьян в Западной Сибири².

Рассмотренные принципы выборочной обработки первичных материалов могут быть широко применены при изучении крестьянского хозяйства, социально-экономического строя деревни и т.д. по данным переписей 1916 и 1917 гг. и в других районах, а также при обработке и анализе первичных материалов земских подворных описаний и других сплошных обследований деревни. Понятно, что для формирования случайных выборок всех видов необходимо иметь массив первичных материалов по всему исследуемому району. Кроме того, следует иметь в виду, что важнейшим звеном типически-случайного отбора является обоснованное выделение типических подсовокупностей. В этом отношении слабым местом интересной работы сибирских историков являются в общем-то расплывчатость и неопределенность принципов и критериев выделения типических волостей. Во всяком случае эти принципы и критерии не получили развернутого раскрытия.

При оперировании с естественными выборками первичных данных исследователи, к сожалению, не могут опираться на такие строгие математические методы при обосновании их репрезентативности, которые применяются при формировании выборок из данных генеральной совокупности. Но все же некоторые важные аспекты проверки репрезентативности естественных выборок также могут основываться на количественных методах.

Так, нередко исследователь имеет дело с двумя или несколькими естественными выборками данных, которые характеризуют исследуемые объекты на той или иной территории или в тот или иной период времени. Например, можно иметь две выборки первичных данных о крестьянстве земских подворных описаний, относящиеся к двум губерниям какого-либо района или двум районам, наконец, одной губернии или району, но к разным моментам времени. В таких случаях будет возникать вопрос о возможности объединения этих выборок в одну. Но такое объединение будет правомерным в тех случаях, когда выборки характеризуют одну генеральную совокупность. Для этого следует проверить, принадлежат ли они (в плане их определенных свойств) к одной генеральной совокупности. Это можно сделать, опираясь на математические методы, которые позволяют установить существование или несуществование различий по соответствующим признакам средних и дисперсий этих выборок, что и дает основание для решения вопроса о принадлежности их к одной совокупности.

¹ Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С., Островский И.В., Рябоконеv А.М. Указ. соч. С. 30 и след.

² Этот анализ см.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. Гл. IV.

Возможно применение строгих, количественных методов и для проверки, в какой мере случайным является варьирование того или иного признака в естественной выборке. Поскольку такое варьирование, как правило, имеет место в случайных выборках, постольку выявление его может помочь решить вопрос о случайности естественных выборок, а потому и об ее репрезентативности¹.

Важным показателем представительности естественных выборок является равномерность охвата ими исследуемой совокупности, что устанавливается сопоставлением состава объектов выборки и совокупности.

Наконец, сама история возникновения комплекса частных или неполных данных о некоей генеральной совокупности или раскрытие причин того, почему из некогда полной совокупности сведений сохранилась лишь определенная их часть, также может помочь установлению репрезентативности естественных выборок.

Но и при всем этом во всех случаях, когда имеется возможность сопоставить значение естественных выборок первичных сведений по тем или иным признакам со значениями этих признаков по полным сводным данным этого источника или с данными других источников, необходимо проводить такое сопоставление. Оно может дать наиболее надежные основания для выявления репрезентативности естественных выборок.

Примером такой проверки представительности естественных выборок может служить сопоставление ряда показателей подворных списков заемщиков Крестьянского банка, выявленных в архивных фондах Центрального правления банка, со значениями этих показателей, зафиксированных в других источниках². Подворные списки крестьян-заемщиков банка сохранились в архиве Центрального правления лишь в небольшом числе ссудных дел. Поэтому здесь вопрос о репрезентативности стоит в двух аспектах: применительно ко всем крестьянам, обращавшимся за ссудами в банк, и по отношению ко всем крестьянам губернии или региона, к которому относятся данные подворных списков. Представительность списков в первом случае проверялась путем сравнения сведений списков о соотношении различных слоев среди крестьян, об обеспеченности их землей и скотом с такими же данными отчетов Крестьянского банка, относящимися ко всем крестьянам, получившим ссуду. Репрезентативность данных списков во втором направлении устанавливалась сопоставлением их показателей с соответствующими сводными данными сплошных подворных земских описаний. Сравнение, проводившееся по четырем губерниям (Московской, Курской, Пензенской и Могилевской), дало следующие результаты. Данные обнаруженных списков являются репрезентативными по отношению к крестьянам-заемщикам банка во всех губерниях. Что же касается крестьян губерний, то показатели списков оказались представительными только по Пензенской и промышленно-земледельческой части Московской губернии (по Могилевской губернии сопоставление не проводилось).

Подобным способом можно установить репрезентативность естественных выборок первичных данных земских подворных описаний и переписей 1916 и 1917 гг., сравнивая их показатели со сводными опубликованными данными этих источников. Что касается представительности естественных выборок о заемщиках Крестьянского банка применительно ко всему крестьянству определенных губерний, то сведения этих выборок можно сопоставить помимо сводных данных земских подворных описаний также с существующими показателями земских и военно-конских переписей и другими сводными данными сельскохозяйственной статистики.

¹ Некоторые методы проверки случайности варьирования признаков в естественных выборках см. в кн.: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 264 и след.

² Иванова Р.М. Материалы Крестьянского поземельного банка; Она же. К изучению материалов Крестьянского поземельного банка (подворные списки заемщиков Курского и Могилевского отделений Крестьянского банка) // Проблемы истории СССР. Сб. статей.

Таковы основные пути и методы формирования представительных выборок и выявления репрезентативности естественных выборок из генеральных массивов первичных данных о крестьянстве.

Большим достоинством первичных данных о крестьянстве является возможность применения при их обработке и анализе различных приемов и методов и прежде всего их разнообразных группировок. Последнее особенно важно, поскольку в эпоху капитализма крестьянство было расколото на качественно отличные слои и группы, соотношение между которыми во многом определяло социальную структуру деревни. Однако наличие такой возможности порождает и свои трудности, требует решения ряда конкретно-методологических и методических вопросов. Основными из них являются принципы и критерии группировок. В целом эти принципы хорошо известны. Их обосновал и неоднократно на них указывал В.И. Ленин. Напомним одно из обобщающих ленинских заключений по этому поводу: «Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки размеры и типы хозяйства. Признаки для различия этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посевов корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т.д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, — необходима комбинация двух указанных систем группировки, т.е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам промыслов»¹.

Указанные принципы и критерии группировки легко реализовать в том случае, когда очевиден доминирующий тип хозяйства (экстенсивно-земледельческое, животноводческое и т.д.), а следовательно и тот признак, который можно положить в основу группировки. Но даже в этом случае группировка по одному признаку может оказаться недостаточно точной, что будет влиять на соотношение численности различных групп.

Так, Р.М. Ивановой² при обработке подворных списков заемщиков Крестьянского банка по Московской, Пензенской, Курской и Могилевской губерниям была проведена сравнительная группировка дворов по их обеспеченности лошадьми и коровами. Обычно при группировке крестьянских хозяйств по рабочему скоту безлошадные и однолошадные дворы относятся к беднейшему — пролетарскому и полупролетарскому — слою деревни. Но как выяснилось, определенная часть этих дворов имела по две и даже более коров. Обоснованно было показано, что они должны быть отнесены к другим группам. В итоге при группировке по одному или двум признакам получается такое соотношение дворов в беднейшей группе (табл. 6).

Таблица 6

Доля (в %) беднейших дворов в среде крестьянства

Губерния	При включении	
	всех безлошадных и однолошадных дворов	безлошадных и однолошадных дворов имеющих не более одной коровы
Московская	83,7	70,5
Пензенская	73,4	70,2
Курская	40,2	33,8
Могилевская	41,6	13,7

Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 96.

Иванова Р.М. Материалы Крестьянского поземельного банка С. 14—15.

Из этого примера очевидно, сколь значительными могут быть различия в соотношении слоев даже при переходе от группировки к группировке по двум признакам. Еще более существенно может изменяться это соотношение при комбинации ряда признаков. Поэтому при бесспорной правомерности группировки по одному определяющему признаку добиться наиболее точного выделения слоев в среде крестьянства можно лишь путем многофакторной (многомерной) группировки, учитывающей все важнейшие показатели о хозяйстве и положении крестьян. Именно к этому и призывал В.И. Ленин, подчеркивая необходимость комбинации группировочных признаков. Но практическая реализация именно такой классификации крестьянских хозяйств и сопряжена с определенными трудностями при ее обычном, ручном проведении.

В самом деле, если даже группировать крестьянские дворы по двум признакам, каждый из которых имеет по пять групп значений (например, по размерам посева — дворы без посева, с посевом до 5 дес, с посевом 5—10, 10—20 и больше 20 дес, а по обеспеченности рабочим скотом — дворы безлошадные, с одной, двумя, тремя, четырьмя и более лошадьми), то и тогда может быть выделено 25 групп дворов (каждая из 5 групп по посеву будет иметь по пяти сочетаний с группами по рабочему скоту). Если же взять три признака, каждый из которых имеет по пяти групп значений, то таких сочетаний может быть 125. При такой группировке будет возникать трудности при обработке существенных группировочных признаков (ибо их не должно быть много), при определении интервалов для значений этих признаков и последующем сведении комбинационных групп в совокупности, характеризующие существенно отличные слои крестьянства. Далее, для подобной классификации необходимо иметь значительный объем выборки первичных данных, чтобы хотя бы для части комбинационных групп было возможно получить устойчивые средние значения по основным показателям (для этого каждая группа должна включать не менее 15—20 дворов). Наконец, выполнение такой группировки вручную является громоздким и трудоемким.

Все это требует совершенствования методов группировки первичных массовых данных о крестьянстве земских подворных описаний, переписей 1916 и 1917 гг., подворных списков заемщиков Крестьянского банка и других источников. Оно может идти по линии применения количественных и машинных методов, во-первых, для выделения основных признаков, характеризующих крестьянское хозяйство, и, во-вторых, для группировки этих хозяйств по совокупности таких признаков. Современный математический арсенал обработки и анализа данных о разного рода массовых многомерных объектах позволяет решить обе эти задачи.

Например, методы факторного анализа дают возможность выделять из совокупности признаков, характеризующих те или иные массовые явления и процессы, именно те признаки, которые наиболее полно выражают действие факторов-причин, определяющих суть этих явлений и процессов. Это особенно важно в тех случаях, когда число таких признаков велико, а их отбор обычными методами содержательного анализа не позволяет установить наиболее существенные из них или оценить их сравнительную значимость для решения поставленной задачи. Такие массовые источники о крестьянстве, как земские подворные описания и переписи 1916 и 1917 гг., содержат по много десятков, а бюджетные обследования даже по несколько сот различных показателей. Здесь действительно не просто отобрать те из показателей, которые прежде всего характеризуют суть внутреннего строя крестьянского хозяйства и выражают определяющие ее факторы. Здесь необходимы математические и машинные методы.

Выделенные средствами математического анализа основные признаки затем могут быть взяты в качестве группировочных, и по ним поведена многомерная классификация крестьянских дворов (или других объектов).

Заметим, что задача выявления основных признаков из значительной их совокупности и группировки исследуемых объектов возникает при обработке и анализе не только первичных массовых, но и сводных данных о крестьянстве.

Указанные математические и машинные методы группировки признаков и на ее основе классификации объектов достаточно хорошо разработаны и могут быть широко использованы историками¹.

Существуют и другие методы многомерной классификации, которые также могут быть применены при обработке и анализе данных о массовых исторических объектах. Конкретная попытка многомерной классификации крестьянских хозяйств в историческом исследовании была предпринята Ю.Ю. Кахком², а многомерная аграрная типология губерний Европейской России проделана Л.И. Бородиным и И.Д. Ковальченко³.

Таким образом, в области группировки крестьянских хозяйств (да и многих других массовых объектов) историкам необходимо овладеть современными методами обработки и анализа массовых данных, чтобы поднять на новый уровень изучение социально-экономического развития деревни эпохи капитализма.

Многофакторная группировка первичных данных о крестьянстве позволит наиболее точно выявить соотношение в среде крестьянства существенно различных социальных слоев и групп. Вслед за этим возникает задача всестороннего раскрытия структуры социально-экономического строя крестьянского хозяйства этих слоев и групп, которое должно показать глубину разложения крестьянства, степень развития в деревне буржуазно-капиталистических отношений. Здесь также наряду с традиционными (сравнение средних значений признаков по группам и долей групп в общем крестьянского хозяйства) важную роль играют и количественные методы анализа.

Насколько применение количественных методов является эффективным, показывает корреляционный анализ социально-экономической структуры крестьянского хозяйства различных групп по данным бюджетов пензенских крестьян за 1911 г.⁴ По валовому доходу на душу населения в среде крестьянства было выделено пять групп с размерами дохода: до 80, 81—120, 121—180, 181—270 и свыше 271 руб. Средние показатели (табл. 7) обеспеченности крестьян землей, средствами производства, рабочим и продуктивным скотом хотя и показывают наличие существенных различий между двумя полярными группами дворов (у зажиточных крестьян эта обеспеченность была в полтора-два раза выше), но далеко не раскрывают качественно отличного характера социально-экономического строя двух типов хозяйств. Анализ же внутренней структуры этих хозяйств, в частности указанная в таблице теснота взаимосвязи товарности земледелия с различными признаками, ярко показывает различия в этом строе. Если в беднейшей группе товарность земледелия была сравнительно слабо связана с обеспеченностью средствами производства и скотом и не зависела от других факторов и, что особенно важно, от найма рабочей силы, то в зажиточной группе товарность земледелия была тесно связана со всеми производственными компонентами кроме размеров надела и аренды. Особо следует отметить взаимосвязь товарности земледелия с наймом рабочей силы, размерами купчей земли и стоимостью средств производ-

¹ Жуковская В.М., Мучник И.Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1976.

² Кахк Ю. К вопросу о типологии крестьянских хозяйств в Эстонии в начале XIX века. Таллин, 1975.

³ Ковальченко И.Д., Бородин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX вв. // История СССР. 1979. № 1. С. 61.

⁴ Обожди В.А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в.

ства. Перед нами отчетливо выраженные различия двух типов сельскохозяйственного производства: с одной стороны, сельского полупролетария и с другой — деревенского буржуа.

Таблица 7

Хозяйственная обеспеченность и зависимость товарности земледелия от разных факторов у беднейших и зажиточных крестьян в Пензенской губернии в 1911 г.

Показатели	В среднем на душу населения		Корреляционная связь товарности земледелия с показателями	
	беднейшие	зажиточные	беднейшие	зажиточные
Надельная земля	4,42	5,70	0,11	-0,24
Купчая	0,90	2,40	0,10	0,76
Арендованная	0,61	1,74	0,02	0,28
Всего землепользования	5,93	9,84	0,25	0,72
Стоимость средств производства	150,00	263,00	0,39	0,75
Количество рабочих лошадей	0,80	1,22	0,14	0,65
Стоимость всего скота	124,00	206,00	0,48	0,70
Расход на наем рабочей силы	7,00	13,30	0,10	0,85
Товарность земледелия (в %)	16,30	32,70		

Наряду с корреляционным анализом социально-экономической структуры хозяйства различных групп крестьян могут применяться и другие количественные методы ее раскрытия. Так, при выявлении степени воздействия различных факторов на ту или иную сторону или черту крестьянского хозяйства (ее называют результативным признаком) и определении сравнительного веса этих факторов мощным средством может быть регрессионный анализ. Вот один пример. Речь идет о выделении сравнительной роли основных факторов, определяющих различия в размерах аренды крестьян зажиточной группы по данным тех же пензенских бюджетов. Один из вариантов регрессионного анализа позволяет установить вес этих факторов в процентах (табл. 8).

Таблица 8

Зависимость размеров аренды у зажиточных крестьян от различных факторов

Факторы (в расчете на двор)	Вес факторов (в%)	Факторы (в расчете на двор)	Вес факторов (в%)
Стоимость рабочего скота	5,4	Общие затраты труда в сельском хозяйстве	12,8
Стоимость сельскохозяйственного инвентаря	36,0	Надельная и покупная земля	4,2
Затраты сельскохозяйственного капитала	36,0	Все другие факторы	5,4

Как видим, различия в размерах аренды определялись прежде всего наличием сельскохозяйственного инвентаря и затратами средств на сельскохозяйственное производство. Все другие факторы не играли существенной роли. Иначе говоря, размеры аренды зависели от производственно-экономической мощности хозяйств. Чем выше была эта последняя, тем больше была аренда. Это значит, что аренда имела ярко выраженный предпринимательский характер.

Подобного типа задачи могут очень часто возникать при изучении крестьянского хозяйства и социально-экономического строя деревни. Важные по своей

сути, но неразрешимые обычным путем, они требуют применения математических методов.

Таковы наиболее существенные аспекты и некоторые эффективные и перспективные направления и методы обработки и анализа первичных массовых социально-экономических данных о крестьянстве. Как уже отмечалось, эти методы применимы и при изучении сводных данных массовых источников о крестьянстве и многих других массовых сведений по социально-экономической истории.

* * *

В заключение отметим, что эффективное использование массовых источников и данных по социально-экономической истории крестьянства и деревни эпохи капитализма требует комплексного подхода при обработке этих источников для изучения тех или иных явлений и процессов и системного, целостного анализа содержащихся в них данных.

Комплексный подход при отборе источников означает необходимость привлечения разных типов и видов массовых источников о крестьянстве, а также и других массовых источников (например, статистики землевладения и землепользования, сельскохозяйственного производства и др.) и использования разного уровня содержащихся в них данных, начиная с первичных и кончая наиболее обобщенными.

Системный анализ данных массовых источников предполагает целостное рассмотрение всей совокупности имеющихся признаков, как отражающей (или способной отразить) основные черты внутренней структуры исследуемых явлений или процессов. Это требует при анализе данных переноса акцента с сопоставления тех или иных значений признаков как таковых на раскрытие их взаимосвязи, ее характера и тесноты, на выявление основных факторов, определяющих внутреннюю суть этих явлений и процессов, на определение сравнительной роли и силы воздействия этих факторов на функционирование и динамику как отдельных компонентов, так и системы крестьянского хозяйства и социально-экономического строя деревни в целом.

Бурные сдвиги в социально-экономическом развитии деревни в эпоху капитализма наряду с выявлением общего уровня буржуазно-капиталистического развития крестьянского хозяйства и социального строя деревни требуют анализа этих явлений и процессов применительно к разным социальным слоям и группам деревни, а также различным регионам страны. В методах исследования это выдвигает как важную проблему классификацию, фуппировку изучаемых объектов на всех уровнях — от отдельных хозяйств до уездов и губерний.

Аналогичные, как было показано в других главах, задачи стоят перед исследователями и при изучении других сфер и аспектов аграрной истории эпохи капитализма.